

ОБЩЕСТВО.СЕВЕР

"Нас совсем бросили? Списали? Никому не нужны?" Как в Карелии не построили "город-утопию"

Север.Реалии

11 минут(ы) назад

Протосаамский лабиринт рядом с деревней Алхо

В Республике Карелия почти 10 тысяч человек **живут** в деревнях, куда вообще перестал ходить общественный транспорт. А значит люди не могут попасть к врачу и получить почту. При этом к началу 2026 года 388 карельских деревень **остались еще и без** магазинов. Добраться до соседних поселков, чтобы купить еду или лекарство, даже на своем транспорте часто невозможно из-за бездорожья.

Между тем до войны в одном из таких районов Карелии **собирались** построить "**город-утопию**". Но утопичным оказался сам этот проект.

| "Пишу от лица моих бабушки и дедушки"

Главной достопримечательностью здешних мест был и остается так называемый [Протосаамский либиринт](#) – древнее каменное сооружение спиралевидной формы, которое располагается рядом с деревней Алхо. От нее до лабиринта примерно 3–4 км по грунтовой дороге и ещё около 200 метров пешком через поле и лес.

Исследователи считают, что такие каменные сооружения появились в здешних местах около 2000 лет назад. Древние люди верили, что с их помощью можно задобрить духов рыбалки. Возможно, они служили также каким-то ориентиром для рыбаков. Есть и более мистические гипотезы, согласно которым такие сооружения строили для того, чтобы препятствовать душам умерших возвратиться в мир живых. Так или иначе, и сейчас эти лабиринты привлекают в Карелию туристов, которые считают их "местом силы".

Рядом с Протосаамским лабиринтом, в 45 км от финской границы, на месте деревни Алхо и планировалось построить "суперсовременный наукоград". В Алхо тогда проживало 65 человек, но это никого не смущало.

Проект предусматривал строительство жилых домов, школ, университета, парков, отелей, градообразующих предприятий, аэропорта, вертолетной площадки и канатной дороги, возведение речного порта в Якимваарском заливе Ладожского озера, реконструкцию железнодорожных путей. Планировалось, что в город поедут ученые и студенты, численность его вырастет до 25–30 тыс. человек и он будет развиваться "в формате территории опережающего социально-экономического развития и привлекать инвесторов из Финляндии". Разработкой проекта при поддержке Минэкономразвития Карелии занимался питерский ["НИПИГрад"](#). К 2021 году должна была быть готова проектная документация и сейчас, по идее, город в том или ином виде уже должен был существовать.

Но согласование проекта с местными и федеральными властями как-то не заладилось, а в 2022 году мечты об инвесторах из Финляндии стали и вовсе несбыточными.

По дороге в Алхо, Карелия

Сейчас в Алхо осталось уже в два раза меньше жителей – 30 человек. В основном, старики. Недавно о них Путину написала Дарья Фролова, родом она из Карелии, а сейчас живет в Москве:

"Пишу от лица моих бабушки и дедушки Ряховской Валентины Дмитриевны и Ванина Бориса Геннадьевича. ...Мои родные – люди преклонного возраста, 1941 и 1942 годов рождения, относятся к категории "Дети войны", "Ветеран Труда". Несмотря на все трудности, они категорически не хотят покидать свой родной дом, где прожили всю жизнь. Они любят свою землю и хотят быть в родном поселке. Однако принятые местными властями решения делают их жизнь там практически невозможной...", – говорится в письме Дарьи.

И далее она рассказывает, что в Алхо нет магазина и аптеки, невозможно купить даже хлеб или элементарные лекарства, что поселок "фактически находится в блокаде", отрезан от цивилизации, что добраться до ближайшего города или деревни невозможно.

"Как выживать пенсионерам?" – спрашивает Дарья президента России.

Ответа от Путина она не получила.

Алхо, Карелия

Писала Дарья также главе Республики Карелия Артуру Парфенчикову (он, кстати, сам родом из соседнего с Алхо поселка Куркиёки), и руководству РЖД, и в "Народный фронт". Ответов не последовало, а прокурор Лахденпохского района Долгов ответил Дарье 16 февраля, что "не нашел нарушения прав жителей Алхо".

|"Беда у нас, натуральная блокада"

До Второй мировой войны это был финский хутор, с лесным хозяйством и небольшими фермерскими поселениями. Название Алхо с финского переводится как низина. После Зимней войны по мирному договору 1940 года эта территория отошла СССР. Затем Финляндия снова заняла Приладожье. Часть прежних жителей вернулась, но ненадолго. После наступления советских войск в 1944 году территория эта окончательно вошла в СССР. Прежнее финское население уже не вернулось в эти края. В опустевшие деревни переселяли людей из других регионов СССР. Поэтому нынешние жители этих мест в основном потомки послевоенных переселенцев, а не довоенных жителей.

Бабушка Дарьи Валентина Дмитриевна выросла в деревне Пеховка Воронежской области. Отца забрали на войну в июле 1941 года, а она родилась в октябре – ребенок войны, которую она не помнит. Зато помнит голодные послевоенные годы. Себя маленькую и своих сверстников называет заморышами. Отец на войне пропал без вести, поэтому никакой пенсии за него в семье не получали – мама осталась одна с семьей детьми, работала в колхозе. Старшие дети тоже работали и помогали по дому. Валентина была самой младшей, ее первые воспоминания – как

Валентина Дмитриевна

она собирала жёлуди, как весной ходила на колхозные поля за прошлогодней картошкой, как голодали и ели буквально все, что попадалось.

После 4 класса старшая сестра, жившая к тому времени под Выборгом, забрала Валентину к себе, там она окончила семилетку и в 17 лет пошла работать на железную дорогу стрелочницей. Потом выучилась на дежурную по станции – и в 1963 году получила направление в Алхо. Через эту деревню проходила железная дорога, которая была построена финнами еще в конце 19 века и связывала Приладожье с Финляндией и петербургским направлением.

Дежурной по станции Алхо Валентина Дмитриевна отработала 51 год – и за все это время ни разу не брала больничный. Только в декрет три раза уходила – но в ее время декретный отпуск давали всего на 3 месяца.

Потом все дети Валентины Дмитриевны уехали к родственникам в Москву – учиться, да там и остались.

Валентина Дмитриевна на родной железной дороге

Последнее время в аптеку и за продуктами она ездила в соседний город Лахденпохья на поезде. Часов в 10 он уезжал из Алхо, 2-3 часа она ходила по магазинам, потом сидела на вокзале, ждала и около 8 вечера возвращалась обратно. А с нового года отменили и этот поезд. Станцию, на которой она полвека проработала смотрителем, теперь называют "спящей". Построенные когда-то финнами здание вокзала и платформа уже давно разрушились.

Алхо, ж-д станция

Сосед, если не пьет, иногда за деньги возит ее в магазин на своей машине в соседний город. А если пьет – спасает только огород.

Огород Валентины Дмитриевны

Еще, несмотря на свои 84 года, она постоянно ходит на озеро рыбачить. В деревне говорят, что даже когда ни у кого не клюет, у Валентины – всегда есть улов.

Валентина Дмитриевна рыбачит

Недавно у ее мужа случился инсульт, и его увезли в больницу. Скорая ехала 3 часа, и это еще быстро для этих мест – иногда ее ждут по 6-8 часов: две машины обслуживают огромную территорию. Навестить мужа она пока не может. Сосед как раз запил.

В Алхо нет ни водопровода, ни канализации, ни газа. Надо таскать воду из колодца и заготавливать дрова. Когда Дарья заказала бабушке дрова с бригадой, чтобы распилить, расколоть и сложить, вышла целая история. Дарье позвонил бригадир: "Что нам делать? Мы дрова привезли, но ваша бабушка нас выгоняет – сама хочет пилить и колоть". Дарья позвонила бабушке: "У меня же всё оплачено!". Но Валентина Дмитриевна так и не разрешила рабочим ничего делать: "Мне зимой скучно будет. Мне надо, чтобы активность какая-то была".

А еще в Алхо нет стабильного интернета, в доме у Валентины Дмитриевны сеть можно поймать только в одном месте у окна. Туда Дарья и повесила бабушке роутер. Валентина Дмитриевна в 80 лет освоила планшет, читает паблики во ВКонтакте и пересказывает внучке, делает репосты, все надеется – вдруг у них в Алхо что-то решится, и "блокада" прорвется.

– Если не дадут поезд, на зиму мы не останемся здесь, придется уезжать, – рассказывает соседка Валентины Дмитриевны пенсионерка **Наталья** (*мы используем псевдоним из соображений безопасности собеседницы – СР*). – Я плохо себя чувствую, давление очень высокое, вот записалась в больницу на 19 марта в Лахденпохья, а мне не попасть туда было, ехать не на чем совершенно. В общем,

Валентина Дмитриевна - страстная рыбачка

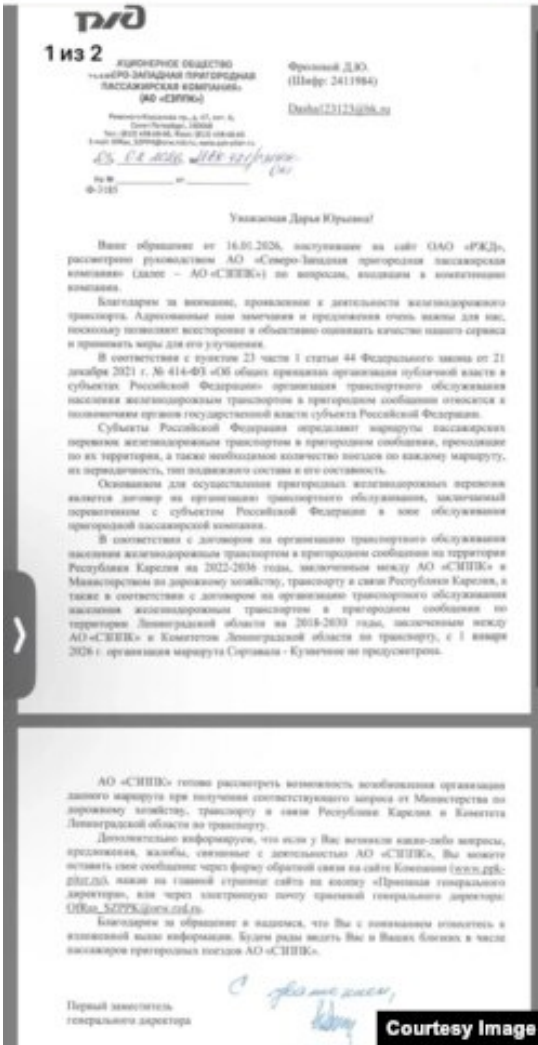
беда у нас, натуральная блокада. Живем вдвоем с мужем, бросать свой дом и родные места страшно, прожили здесь с 1966 года, 50 лет. Мы считаем Алхо за свою родину и никуда не хотели бы уезжать. К детям в Петербург не хочется, у них самих проблем хватает. И мы не хотим в городе жить. Но и оставаться в Алхо страшно тоже. Сосед вот наш умер, тоже болел, дома лежал. А когда скорая приехала, уже было поздно. И ведь весь район страдает, не одни мы. И это ведь не война сейчас, не блокада. А мы сидим, даже хлебушка бывает негде взять. Что с огорода принесём, что вырастим своё, то и кушаем.

В таком же положении и десятки других карельских деревень. Еще в 2019-м местная пресса писала, что в деревне Большие горы в

Олонецком районе магазинов нет, автолавка не ездит, купленный впрок хлеб плесневеет в холодильниках, брошенные на произвол судьбы старики буквально голодают. Не многим лучше живется деревне Вагвозеро Олонецкого района, где уже 8 лет нет ни магазина, ни медпункта, ни почты. Деревня регулярно остается отрезанной от мира из-за размытой дороги, а местные власти обещают отремонтировать ее в этом году, но доводить до Вагвозера не собираются. Жителям приходится откапывать лопатами застрявшие машины почты и скорой. Только в одном Медвежьегорском районе Карелии 74 населенных пункта нуждаются хотя бы в автолавке, люди остались без продуктов и без транспорта.

В деревне Сельги Медвежьегорского района, по данным на 2026 год, в несезон живет не более 20 человек, в основном, пенсионеры и инвалиды. Автолавка сюда не ездит уже два года, до ближайшего магазина – 25 километров. Издание "НеМосква" приводит обращение местной жительницы Майи Исаковой, не добившейся помощи ни в прокуратуре, ни в местной администрации, ни в Минпромторге: "Нас совсем бросили? Списали? Никому не нужны? За это воевали наши отцы и деды? Более 240 человек ушли на защиту Родины в 1941-м. И теперь с протянутой рукой как нищие на паперти – подайте кусочек хлеба? Если бы даже в деревне был один человек, ...он должен быть обеспечен продуктами питания. Государство не имеет права отворачиваться от своего населения!"

В соседней с Карелией Финляндии около 300 поселений признаны сейчас малонаселенными. В них проживает примерно 5 % населения. Проблемы таких деревень здесь не пытаются решать одинаково – скорее выбирают, как именно

Ответ РЖД на обращение Дарьи Фроловой - остановка в Алху не предусмотрена

поселок будет жить дальше. Суть финского подхода в том, что деревню не обязательно всегда "спасать" в традиционном смысле (сохранять школы, магазины и администрацию в каждой точке). Вместо этого ее можно перевести **в другую модель существования**. Небольшие деревни могут поддерживать через так называемые "опорные центры" – соседние города, в которых есть школы, больницы и пр. Связь с этой базовой инфраструктурой обязательно обеспечивается различным доступным государственным транспортом, мобильными сервисами и цифровыми госуслугами. Государство **активно развивает** интернет-инфраструктуру и онлайн-услуги в таких деревнях, чтобы жить в них можно было без обязательной физической близости к офисам и учреждениям. Некоторые деревни не сохраняют как "полноценные населённые пункты", а перепрофилируют. Зброшенные дома превращаются в дачи, сезонное жильё или туристические коттеджи (mökki-культура). Таким образом территория не пустеет окончательно, а переходит в режим сезонной или рекреационной жизни.

Этот контент также в категориях

- Регионы
- Общество.Север